

СОДЕРЖАНИЕ

Намерение	6
Сталинизм	8
Система	62
Тоска о прошлом	94
Разгадка сталинизма	147
Суд	197
Освобождение	223

НАМЕРЕНИЕ

Название этой книги взято из слов песни, которую советские люди пели в сталинские времена («Сталин — наша слава боевая. Сталин — нашей юности полет. С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет»). Пел и я эту песню вместе со всеми, несмотря на то, что ненависть лично к Сталину и ко всему тому, что тогда связывалось с его именем, была всепоглощающей страстью моей юности. Я пел эту песню и не чувствовал в ней фальши. Я чувствовал в ней что-то другое, гораздо более страшное, чем фальшь, а именно: всесокрушающий ураган великой истории. В этой книге я хочу рассказать немного о том, как осознавался и ощущался этот исторический ураган некоторыми представителями моего поколения, вовлеченными в него, о том, чем был сталинизм для нас. Слово «сталинизм» употребляют во многих различных значениях. Для меня сталинизм — не слово, подлежащее определению, а общеизвестный эмпирический факт, подлежащий изучению и осмыслению. Это эпоха становления, формирования нового, коммунистического общества. Это юность реального коммунизма. В эту эпоху происходило формирование социального строя страны, ее экономики, формы власти и управления, идеологии, культуры, а также объединение многочисленных народов в единое государство, короче говоря, происходило формирование всех основных явлений коммунистического общества как целого.

Временные рамки этой эпохи можно определять по-разному. Началом можно считать окончание Гражданской войны, избрание Сталина Генеральным секретарем ЦК, смерть Ленина. Концом можно считать смерть Сталина, разоблачительный доклад Хрущева, окончание войны с Германией, XIX съезд партии. Для меня важно следующее: эта эпоха связана с деятельностью Сталина и его сообщников, а временные рамки должны быть определены так, чтобы в них вошли все основные события эпохи и основные деяния Сталина и сталинистов.

СТАЛИНИЗМ

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, осмеянная, оплеванная и окарикатуренная, но не понятая. А между тем все то, что вырвалось наружу в хрущевское время, было накоплено, выстрадано и обдуманно в сталинское время. Все то, что стало буднями советской жизни в брежневское время, вызрело в сталинское время. Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждение: она заслуживает понимания.

Понимание не есть оправдание. Можно понять, не оправдывая. Можно оправдать, не понимая. Оправдание есть явление моральное, понимание гносеологическое. С точки зрения понимания причины настоящего лежат в прошлом. С точки зрения оправдания или осуждения никакой связи между прошлым и настоящим нет. Настоящее не оправдывает прошлое. Прошлое не повинно в настоящем. Нельзя осуждать или оправдывать прошлое с точки зрения настоящего. Нельзя осуждать или оправдывать настоящее с точки зрения прошлого. Рассматривать историю в категориях оправдания и осуждения значит исключать всякую возможность ее понимания.

Стало привычным штампом рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную. Это — грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие

юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому смыслу своему неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Рабовладельческое общество и феодальное общество не были преступными, хотя многое, происходившее в них, можно рассматривать как преступления. Сталинская эпоха была страшной и трагической эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было на самом деле. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом для нового общества выжить и отстаивать свое право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она навеки похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле. Она обнажила подлинную страшную сущность многовековой мечты человечества.

После короткой и ожесточенной вспышки интереса к сталинской эпохе и ее разоблачительства наступило равнодушие к ней. Есть много причин, порождающих в совокупности эту тенденцию к забвению своего недавнего прошлого. Среди них — радость избавления и страх повторения. Этот страх напрасен. Такая эпоха неповторима: общественный организм, как и любой другой живой высокоразвитый организм, переживает юность лишь однажды. А избавление иллюзорно. Сталинская эпоха в самом существенном своем содержании вошла в нашу плоть и кровь навечно — она породила нашу сегодняшнюю реальность и носителей ее. Она породила будущее. Так что уклониться от внима-

ния к ней и от ее беспощадной объективной оценки все равно не удастся.

На Западе выходят бесчисленные книги о гитлеровской Германии, Гитлере и его соратниках. А ведь гитлеровская Германия просуществовала всего несколько лет, потерпев сокрушительное поражение. Сталин же и его соратники одержали блистательную историческую победу, построив новый тип общества со всеми его атрибутами, и в колоссальной степени усилили мировую тенденцию к коммунистическому социальному устройству. Есть советский анекдот, в котором Гитлер рассматривается как мелкий бандит сталинской эпохи. Этот анекдот соответствует сути дела.

Гитлеровская Германия — эпизод в истории, сталинская эпоха — великий перелом всей истории. И несмотря на это, внимание к сталинской эпохе и сталинизму здесь ничтожно. Что это означает? Страх реальности? Боязнь признать историческое творчество «низшей расы»? Самомнение? Да и в Советском Союзе положение не лучше. Советская наука и идеология уже не способны воздать должное сталинской эпохе. Они обречены на полуосуждение и полуоправдание ее. Историческое же величие эпохи состоит не в ложной чистоте и мелких воображаемых ошибках, а в том реальном океане страданий, крови, грязи, лжи, насилия и прочих мерзостей, через которые пришлось пройти стране. Потому лишь жертвы и враги сталинизма еще способны защитить его историческое достоинство. Но скоро и их не останется в живых. Останутся лишь равнодушные да бездарные спекулянты за счет уже безопасного прошлого.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, — это не значит описать последователь-

ность множества ее событий и их видимую причинно-следственную связь. Это значит понять сущность того нового общественного организма, который созревал в эту эпоху. Отмечу в этой связи некоторые характерные свойства известных мне сочинений о Сталине, сталинизме и сталинской эпохе. В этих сочинениях обычно выделяется один какой-то аспект исторического процесса (чаще — аспект борьбы Сталина за личную власть и репрессий), раздувается сверх меры, целостность этого процесса испаряется, и невольно получается одно-сторонне-ложная его картина. Историческая эпоха, далее, рассматривается со стороны (как она представляется западному наблюдателю) или сверху (как она представляется с точки зрения деятельности партий, групп и отдельных личностей). И потому невольно получается поверхностное и чисто фактологическое описание. Основное в этой эпохе, т. е. все то, что происходило в массе населения и послужило базисом для всех видимых сверху и со стороны явлений, т. е. основной глубинный поток истории почти не принимается во внимание или учитывается в ничтожной мере. Потому сталинизм представляется как обман и насилие, тогда как в основе он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия.

Другая характерная слабость упомянутых сочинений — смешение словесной формы и объективной сущности эпохи. Реальность лишь частично и к тому же в превращенной форме отражается в словесном потоке своего времени. Не всегда речи деятелей эпохи, программы партий, резолюции съездов, газетные статьи и книги адекватно отражают глубинное течение истории. Иногда бурное кипение страстей происходит в стороне

от главного течения и на мелком месте, а мощное скрытое течение остается незамеченным на поверхности. Преувеличение роли словесной формы истории и игнорирование ее неадекватности скрытой сущности процесса имели следствием то, что второстепенные личности и события занимают больше внимания людей, чем реально первостепенные, их роль сильно преувеличивается в ущерб исторической правде. Характерный пример этого — непомерное раздувание интеллекта Троцкого и умаление такового Сталина, объяснение победы сталинизма над троцкизмом личными отрицательными качествами Сталина и его сподвижников. А между тем с точки зрения существа исторического процесса (т. е. глядя на него снизу, из глубины) победа сталинизма была закономерным следствием того, что именно Сталин и сталинисты наиболее адекватно выражали сущность потребностей той эпохи и ее объективные тенденции. Троцкий и подобные ему кажутся гениями лишь с точки зрения словесной пены истории. Если они и гении, то гении болтовни, а не реального дела. С точки зрения понимания существа эпохи все они суть жалкие карлики в сравнении со Сталиным. Масштабы исторической личности определяются не умением долго и красноречиво болтать, а именно степенью адекватности тому движению массы, на роль руководителя которой ее вытолкнули обстоятельства. Масштабы исторической личности определяются, далее, не способностью понимать объективную сущность происходящих событий и объективные тенденции исторического процесса в данное время, а тем, насколько его личная деятельность совпадает с объективными закономерностями нарождающегося общества и насколько она способствует реализации его объективных тенденций.

Интеллект исторического деятеля мало что общего имеет с интеллектом ученого социолога и ученого историка, изучающих эпоху этого исторического деятеля и его роль в ней. Исторический деятель может быть гением в своей области, не имея ни малейшего представления о средствах познания, которыми оперируют ученые и с которыми знакомы даже начинающие студенты. Ворошилов и Буденный, например, понимали в происходящем с научной точки зрения не больше, чем лошади, на которых они принимали военные парады. Но они были хорошими помощниками Сталина и исправно служили его делу. Сталин сам понимал с научной точки зрения в происходящем немногим больше их, но именно он был историческим гением, а они были ничтожествами в сравнении с ним. И он был таковым не благодаря тому, что был чуточку образованнее и умнее их в качестве студента некоей науки, а благодаря своему умению сыграть роль, заданную ему историей. Великие исторические деятели не столько творят историю, сколько вытворяют истории, история же сама творит их по образу своему и подобию.

ПЕРВОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Это произошло в 1939 году. На семинаре в институте я «сорвался» рассказал о том, что на самом деле творилось в колхозах. Меня «прорабатывали» на комсомольском собрании, потребовали, чтобы я признал свои ошибки. Я упорствовал. Меня исключили из комсомола, а затем и из института. Мои бывшие школьные друзья решили проявить обо мне заботу выяснить причины моего срыва и помочь мне. По инициативе

комсорга школы они устроили вечеринку, на которой спровоцировали меня на откровенный разговор. Я уже покатился по наклонной плоскости и не стал сдерживаться: выложил им всю свою антисталинскую концепцию. Уже на следующий день в наш вечно залитый водой подвал спустился молодой человек. Я сразу понял, что это за мной, — я был уверен, что друзья напишут донос на Лубянку и меня арестуют. На Лубянке со мной беседовал пожилой человек в военной форме, но без знаков различия. На столе у него лежало письмо моих друзей: я узнал почерк. После разговора пожилой чекист велел молодому отвести меня куда-то. Мы уже вышли на улицу. В это время моего сопровождающего почему-то позвали обратно. «Подожди меня здесь, — сказал он, — я через минуту вернусь». Но я не стал ждать его. Я ушел, сам не зная куда. Домой решил не возвращаться. Ночевал на вокзале. Утром влез в какой-то поезд. Километрах в ста от Москвы меня выбросил из вагона проводник. Так началась моя жизнь тайного антисталиниста. Кое-что из нее я припомню в дальнейшем. Хотите — верьте, хотите — нет, а то «Пророчество», которое вы только что прочитали, я сочинил еще тогда, в 1939 году. Я в те годы сочинил и многое другое. Но ничего не сохранил. И правильно сделал, иначе я не сохранил бы свою шкуру. Я был антисталинистом вплоть до хрущевского доклада. Антисталинистская пропаганда была делом моей жизни. Я не горжусь этим и не считаю себя исключительной личностью. Я встречал других антисталинистов, которые были таковыми с большим риском. Некоторые из них погибли. Некоторые уцелели, но забыли о своей прошлой деятельности. Никто из нас в те времена не считал себя героем. А теперь героями себя изображают те, кто был на самом деле стали-

нистом. Наша позиция была естественной мальчишеской реакцией на факты нашей жизни. Как-то встретил я довоенного знакомого, отсидевшего в лагерях больше пятнадцати лет за «попытку покушения на Сталина». На мой пошлый вопрос «Ну как?» он ответил, что «дураков учить надо». Моя антисталинистская пропаганда была примитивной и спорадической. По настроению и в подходящей ситуации. Психологически я чувствовал себя выше окружающих — я видел и понимал многое такое, чего (как казалось мне) не видели и не понимали они. Я ощущал себя потенциальным, а порою и актуальным борцом против режима — это была инерция революции, направленная теперь против результатов самой революции.

Мой антисталинизм был порожден нестерпимо тяжелыми условиями жизни людей, в среде которых я рос. Моя личная ненависть к Сталину была лишь персонализацией моего протеста против этих условий. Но я очень рано стал размышлять о причинах этой чудовищной (как казалось мне тогда) несправедливости. К концу школы я уже был уверен в том, что причины зла коренятся в самом социализме (коммунизме). Моя личная ненависть к Сталину стала уступать место чисто интеллектуальному любопытству — желанию понять скрытые механизмы социалистического общества, порождающие все те отрицательные явления, на которые я уже посмотрелся достаточно много. Для меня сталинизм еще оставался воплощением и олицетворением реального коммунизма. Я тогда еще не знал, что это — всего лишь юность нового общества. Когда я это понял (это случилось в конце войны), я вообще перестал относиться к Сталину и его соратникам как к людям, вернее — на смену ненависти пришло презрение.

К этому времени я отчетливо осознал еще одно обстоятельство, сыгравшее важную роль в моем отношении к Сталину и сталинизму: я понял, что мое чувство превосходства над окружающими было самообольщением. Я имел сотни бесед с людьми самого различного возраста и положения. И самыми осведомленными о дефектах нашей жизни среди них были сотрудники органов государственной безопасности, партийные чиновники, провокаторы и стукачи. Главное, понял я, не знание фактов, а отношение к ним. Сталинизм постепенно стал превращаться из моего личного врага в объект изучения.

Но вот умер Сталин. Для меня — сдох: он был мой враг. Но что случилось со мной? Я, обезумевший, метался по Москве, пил стаканами водку во всех попадающихся на пути забегаловках и не пьянел. Теперь, спустя тридцать лет, я понял, что случилось тогда: исчез мой враг, делавший мою жизнь осмысленной, окончилась моя Великая Тайна борца против сталинизма. Начиналась будничная жизнь рядового советского гражданина, в меру критичного по отношению к существующему строю, но в общем и целом принимающего его и сотрудничающего с властями в его сохранении.

После хрущевского доклада мой антисталинизм вообще утратил смысл. Все наперебой начали критиковать Сталина и его соратников. Все вдруг стали «жертвами культа». Меня это раздражало. Однажды при обсуждении диссертации одного сотрудника нашего учреждения, обругавшего (как это стало модно) Сталина, среди прочих выступил и я и сказал, что «мертвого льва может лягнуть даже осел». Меня вызвали на Лубянку и сказали, что мое поведение не соответствует генераль-

ной линии партии на данном этапе, что я ошибаюсь, вообразая, будто «сталинские времена» кончились, и что если я не прекращу свои просталинские заявления, они (т. е. органы) будут вынуждены принять в отношении меня суровые меры.

Будучи не в силах принять сей жизненный парадокс, я запил пуще прежнего. Я был в этом не одинок. Точно так же поступали многие уцелевшие антисталинисты, потерявшие предмет своей ненависти, и немногие нераскаявшиеся сталинисты, потерявшие предмет своей любви. Мы вместе с ними опустили на самое дно человеческого бытия. Мы не чувствовали вражды друг к другу, ибо все мы были обломками великой эпохи и ее ничтожного крушения. В одно из таких падений в помойку человеческого бытия я встретил этого человека. На мой вопрос, что он думает по поводу хрущевского доклада, он сказал:

«Великан Истории поскользнулся на арбузной корке и сломал себе хребет». Он имел в виду сталинизм.

ОН

Когда я, дрожа от холода и мерзостности внутреннего состояния, очнулся в новом вытрезвителе нашего района, на койке рядом сидело сине-фиолетовое, колючее, с желто-красными подтеками существо.

— Хорош, — сказал я вместо приветствия.

— А ты, думаешь, лучше? — миролюбиво ответило существо. — Красавчиками мы выходим только из морга.

Выполнив положенные в таких случаях формальности и прослушав часовую лекцию о моральном облике

строителей коммунизма, мы покинули вытрезвитель со здоровым намерением «надраться» снова.

— Первый раз здесь, — сказал Он, с изумлением разглядывая дорические колонны и увенчанный скульптурами ударников труда фронтоном нашего нового вытрезвителя. — Дворец, а не помойка для отбросов общества!

Подарок трудящимся нашего района к годовщине (не помню, какой по счету) Великого Октября, как сообщила наша пресса. По числу пьяно-коек превосходит все прочие, вместе взятые. И с новыми, научно обоснованными методами вытрезвления. В старых вытрезвителях пьяниц опускают в холодную ванну ногами, держа за волосы, если таковые есть, или за уши, если волосы отсутствуют. А здесь опускают в ледяную ванну, причем головой, держа пьяницу за пятки. Так что мы вроде Ахиллесы теперь.

Которые, как доказала логика, не могут догнать даже черепаху.

А собираемся Америку догнать и перегнать. Кроме того, здесь повышают морально-политический уровень пьяниц настолько, что они после этого ничего другого, кроме коммунизма, строить уже не способны. Идти на работу было бессмысленно: туда все равно сообщат о наших похождениях. Мы решили «закрепить знакомство».

— Я инженер, — сказал Он, — в инвалидной артели «Детская игрушка». Странное выражение «детские игрушки». Можно подумать, что есть какие-то другие, недетские игрушки. Не обожествляйте слово «инженер». Мои функции как инженера сводятся к тому, что я подписываю бумажки, смысла которых не понимаю. Держат меня там только потому, что я ветеран войны

и имел три ранения. Одно тяжелое. Числюсь инвалидом. Получаю пенсию. На пенсию живу, а зарплату пропиваю.

Потом мы встречались с ним чуть ли не каждый день. Он оказался бывшим антисталинистом, причем раскаявшимся.

— Раскаявшийся сталинист, — сказал Он, — есть нечто совершенно заурядное. Но раскаявшийся антисталинист, согласитесь, это есть нечто из ряда вон выходящее.

Мы много разговаривали. Теперь трудно различить, что говорил Он и что говорил я. Наше принципиальное понимание прошлого и отношение к нему совпадали, а на авторство идей и приоритет мы не претендовали. Так что я лишь с целью удобства описания буду приписывать все мысли, прошедшие тогда через мою собственную голову, Ему. Разумеется, лишь те, что вспомнятся сейчас. И в той языковой форме, в какой я могу сформулировать их сейчас.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Легко быть моральным, сидя в комфорте и безопасности, — говорил Он. — Не доноси! Не подавай руку стукачу! Не голосуй! Не одобряй! Протестуй!.. А ты попробуй следуй этим прекрасным советам на деле! Думаете, страх наказания? Есть, конечно. Но главное тут — другое. Дайте мне самого кристально чистого человека, и я докажу, что он в своей жизни подлостей совершил не меньше, чем самый отъявленный подлец. Гляньте туда! Видите? Хулиганы пристают к девушке. А прохожие? Ноль внимания. А ведь мужчины.